

Галина ШЛЯХОВА

ЖИЛИ-БЫЛИ, ПРОЖИЛИ...

Р а с с к а з

Ранним июльским утром, когда знойная марь еще не накрыла деревню, к берегу пришвартовался почтовый катер. В это время Ефросинья Викентьевна, схватив замызганный подойник, торопилась на ключ. Мужская часть ее семейства, изнемогая от вчерашней браги и соленой черемши, понужнула маманю за водой. В свое время Викентьевна не позволила сыновьям ожениться — никакая невеста не могла устроить ревнивое материнское сердце, и находились разнообразные основания для отказа в благословлении: одна срамовка¹, вторая халда, третья засранка, четвертая того хуже — остоятка. Шли годы, драгоценные сыны вышли из жениховской поры, так и не вылетев из родительского гнезда, заматерели, пристрастились к горькой; а питие, оно стыд и совесть в человеке напрочь вымывает, вот и осталось в них от прежнего почтения к матери с пригоршню на троих.

— Сама виновата! — часто говаривал ей супруг Василий Петрович. — Нарожала и выпестовала лихоимцев!² Все бегала глотку за них драла, и эвон че выросло! Мало я им кости считал, все тебя, язвы в душу, слушал, заступницу! А их не перстами крестить, а ухватом ломить положено было!

Сгорбатившись и резво семеня сухими ножками, поминая Божью Матерь и святых угодников, Викентьевна выбежала на угор. Глядь, а там катер, телеги, народ грузит что-то...

«А солнце, как на грех, прямо супротив и в глаза бьет, ну ничего не видать! Обождут дитяти малость...» — подумала Викентьевна, раздраемая любопытством, и вместо извилистой тропинки к ключу направилась торной дорогой напрямиком к телегам.

Судно разгружали четверо ребят, молодые зубоскалы, они шустро сбегали по трапу и складывали странные металлические конструкции, напоминающие то ли мельничные лопасти, то ли волокуши для сена,

¹ *Срамовка* — женщина, опозорившая себя, потерявшая честь. *Халда* — скандальная женщина, хамка. *Засранка* — здесь: неряха, плохая хозяйка. *Остоятка* — женщина из малочисленных коренных народов Севера (на Енисее в просторечье всех представителей таких народов — кито, селькупов и т. д. — называют остояками). — *Здесь и далее примеч. авт.*

² *Лихоимец* — здесь: творящий лихо, т. е. зло.

какие-то железные ящики, мотки проводов... Заметив Викентьевну с пустым ведром, один из парней, Микитка, чертыхнулся.

— Ты чего, бабка Фрося, людям день портишь — пустым ведром да костями гремишь?! — Он поправил завязанную на бедрах тельняшку.

— Ишь ты! Суеверный сыскался! — язвительно ответила Ефросинья Викентьевна и, глянув на его мускулистый торс, подметила: — А сам-то, хриstopродавец, без креста ходишь и оголился, срамец! Загрызи тебя комар!

— А его слоновью кожу не прокусишь! — загоготал другой работник, Арсюшка, желая поддеть товарища.

Но тут с катера гаркнули в рупор:

— Аккуратней клади! И ногами шевелите! — и молодцы метнулись обратно.

Минут через десять разгрузка завершилась, катерок отчалил, посигналив на прощанье.

Парни торопливо увязывали поклажу, а любопытная Викентьевна бегала от одного к другому и кудахтала:

— Это чего это такого привезли? А? Чего такое-то? Ишь, оно чего!

Когда первая телега с ящиками и двумя приезжими инженерами медленно тронулась в гору, Микитка подмигнул Арсюшке и, обернувшись к старухе, заговорщицки прошептал:

— Это, бабка Фрося, привезли секретное стратегическое оборудование! Смотри, никому!

Викентьевна всплеснула руками и напряглась в ожидании главной информации, но Микитка, все тянул паузу.

— Да разве я!.. Да ни за боже мой! — затараторила бабка, крестя рот, но поскольку парень только многозначительно тарачил глаза, не сдержавшись, ругнулась: — Да не томи, ирод проклятуший!

— Ну вот те раз! — с наигранной обидой обратился Микитка к Арсюшке. — Я ей, понимаешь, как человеку: так, мол, и так... А она мне — ирод!

Викентьевна, оправдываясь, зашелестела:

— Да, Микитушка, я женщина в годах, не сказать и того хуже — старуха почти. У меня нить сердечная уж как волосок стончалась. От таких напряжений, не ровен час, оборвется — и каюк... А тебе оно нать — меня изводить?! Меня-то уволок на кладбище, а тебе потом жить с тягостью, что бабку до смерти довел...

Микитка слегка напрягся, но весельчак-балагур в нем возобладал:

— Тебя, Ефросинья Викентьевна, колом не уложить, ты еще нас переживешь. Вишь, как бегаешь — не догнать!

Бабка Фрося расцвела, ощерив беззубый рот. Хоть и сомнительная это была похвала, но все же комплимент, а она хоть и старая, но все же баба.

— Сядь! Кого болташь! — хихикнула она.

К разговору присоединился Арсюшка:

— Это, бабка Фрося, антенна!

— Кака така антела? Это еще каво? Почто? — Ефросинья Викентьевна уставилась на парней, почти не дыша.

— Космическая антенна, со спутником связь держать будем!

— А это че такое деется?! — с ужасом выдохнула бабка. — Война опять, что ли?

— Ты че такое говоришь, типун тебе на язык! — взвился Микитка. — Темнота ты, новостей не слушаешь! У нас теперь что? У нас мир во всем мире, мы космос покоряем! Гагарин уж почти двадцать лет как на орбиту слетал.

— Так нам-то тут на кой эта антела нужна? Уж не тебя ли запускать в космос будут? — недоумевала Викентьевна.

— А хоть бы и меня! — ощерился Микитка и, понизив голос, добавил: — Эта антенна для другого. Про инопланетян слыхала?

У старухи глаза округлились и поползли на лоб, а Микитка, переглянувшись с Арсюшкой, продолжил:

— С инопланетянами будем связь налаживать, с марсианами! Нам надо в этом деле капиталистов обогнать...

С угора отборным матом предложили поспешить, и Арсюшка с Микиткой, гогоча как два жеребца, оставили опешившую бабку в одиночестве.

На несколько минут Викентьевна будто окаменела, ее взгляд блуждал по ящикам с таинственным грузом. Лишь когда телеги скрылись из виду, она встrepенулась и, не помня себя, рванула к ключу. Поток студеной воды вернул старуху в реальность. Черпая ладонями, она плескала в лицо, ощущая, как с каждым глотком к ней возвращаются душевное равновесие и силы. Наполнив подойник водой, Ефросинья Викентьевна торопливо, почти скачками, направилась в деревню.

— Это ж, Бог мой, до чего дожились? — бормотала она. — Ведомо ли — антела! Вконец свет перевернулся... И все нейметя им, все по-божески не живетя... Марсы одни сплошные в башке... Говорила мне бабка, что сказано в Писании: «И разверзнутся небеса, и опустится меч карающий...» — Она на ходу накладывала на себя крестное знамение и кланялась кому-то невидимому в пояс.

В свои шестьдесят пять Ефросинья Викентьевна уже считалась в деревне женщиной почтенного возраста, но должным уважением у односельчан не пользовалась, потому что была более чем словоохотливой. Нередко она оказывалась в неловких ситуациях, давала зарок не болтать лишнего, но живая вода в ней не удерживались совсем³.

Вот и сегодня Викентьевна с неудержимой страстью понесла по деревне весть, что «пришел в деревню стратегический катер и привезли на нем груз космический, не то спутник, не то корабль... одним словом, антелу, чтоб марсиан к православной... нет, правильной — к советской жизни сагитировать». Старухи с удовольствием слушали рассказы Викентьевны, сопровождая их то изумленными восклицаниями, то пространными рассуждениями о последних временах и близости Судного дня. Однако в большинстве своем подруги с сомнением отнеслись к ее

³ Так на Енисее говорят о людях, которые не умеют хранить секреты.

словам, и хоть при ней лукаво поддакивали и ахали, после посмеивались над ее бурной фантазией и умением складно врать.

Ежедневный круг обхода у Ефросиньи Викентьевны по неписанным правилам завершался у старейшей из ее товарок — Марины Евпатыевны. Бабка Марина называла свои лета «петушиным веком». Уже почти девяностошестилетняя старуха, проводившая на погост двух состарившихся детей, сохранила здравость ума и особую крепость духа, присущую людям, пережившим самые лихие годы. Высокая, сухая, не утратившая прежней осанки и стати, Марина была необыкновенно красивой и жизнелюбивой бабкой. Правда, всем, кто с ней общался, приходилось терпеть ее пагубную страсть к курению. Курила Марина Евпатыевна с молодых лет и всегда отдавала предпочтение самосаду и махорке, но последние годы из-за невозможности заниматься выращиванием табака перешла на папиросы «Беломорканал», которыми никак не могла накуриться.

Еще в сених у Викентьевны сперло дух, и она оставила двери в дом открытыми настежь. Бабка Марина сидела за столом с чашкой крепкого, как чифирь, чая и заправляла в костяной мундштук очередную папиросу.

— Ты, девка, двери-то не хлебянь⁴, комар налетит.

— Да, какой комар! У вас, Марина Евпатыевна, хоть топор подвесь. Поди, курите с рассвету, не унимаясь, — торопливо проговорила Викентьевна, усаживаясь к столу.

— И не говори, дева моя, — кивнула бабка Марина. — Вчерась, стало быть, подремала днем, а ночь пришла — и сна ни в глазу, лишь под утро сморило. И знаешь, видится как наяву, хозяин-то мой, сам Михаил Климович, вот как был, является! В сапогах, знашь, хромо-вых, в рубашке алого кумача, и над ём серафимы кружат. А он будто сам из себя радостный и мне вроде машет: «Поди сюда, Марушка!» Вот на том и проснулась... — Бабка Марина глубоко вздохнула, затянулась и на выдохе заключила: — Добрый сон! Знать, ждет ешо, помнит зазнобу свою... Даст Бог, уж недолго одной-то век вековать, скоро свидимся! — И она, в очередной раз набрав полную грудь дыма, погрузилась в воспоминания.

Викентьевна учтиво кивала головой, сгорая от нетерпения рассказать о недавнем происшествии. На ее счастье, бабка Марина вскоре очнулась от дум и, хитро улыбаясь, спросила:

— Че там, Ефросинья, в миру-то нового слышать?

И довольная гостья тут же в красках, добавляя новые обстоятельства и фантастические подробности, поведала о делах межпланетного значения, свидетельницей которых она стала. Марина Евпатыевна с невозмутимым видом внимала словам рассказчицы, пуская облака едкого тумана. Когда Викентьевна завершила повествование и начала причитать о близящемся Судном дне, хозяйка резко пресекла ее мрачные прогнозы:

⁴ Хлебянить — открывать настежь.

— Ты, дева, не блажи по-пустому. От суда Всевышнего никому не уйти, каждый придет к Ему на ответ, но в свой назначенный час. Что до антелы этой и индопланевтян, то новость, конечно, но не диво. Я на своем веку уж столько повидала, что ничему не ахаю. В молодости лучину берегла, а сейчас эвон — лампочка под потолком! А разве ж могло мне такое представиться? Жисть, она завсегда вперед шагат...

Она протянула руку к радио, крутанула реле, и из динамика раздалась позывные передачи «Театр у микрофона». Бабка Марина крикнула и добавила:

— Ишь как! А ты — Судный день...

Слегка обиженная Викентьевна не хотела сдаваться:

— Не спорю с вами, Марина Евпатьевна. Да, новое все хорошо, все к лучшему, однако вы, как человек давних, праведных устоев, скажите: какого они рожна в небо-то лезут? На земле им дел мало?

— А кто знат? Поди, Бога ищут... На земле его не всякий узреть может, а в небе-то, мож быть, лучше видать.

Кинемеханик Михей Спиридонович затянул галстук, надел соломенную шляпу, сунул под мышку скрученную в рулон афишу и крикнул:

— Я, Галочка, ухожу! Часа через полтора буду дома.

Из-за штор, разделяющих кухню и прихожую, появилась Галочка. Это была солидная дама лет сорока пяти, крупная, ядреная, про каких принято говорить: «кровь с молоком». На лице ее сияла необыкновенно ласковая, солнечная улыбка.

— Михеюшка, доброго дня, сокол мой! — прощebetала она и, поправив на муже галстук и шляпу, чмокнула его в щеку.

Сутулый и нескладный «сокол» умиленно вздохнул, расправил плечи и отправился на работу.

Михей Спиридонович и Галина Васильевна жили в согласии более двадцати лет. Так уж случилось, что Бог обделил их главным счастьем — детьми, зато компенсировал это безграничной, чистой, как в юности, любовью. У них было фантастическое родство душ: любой, кто хоть раз становился свидетелем их отношений, подмечал, что их внешняя, на первый взгляд, несочетаемость ничуть не мешала восхитительному, почти зеркальному сходству или, скорее, даже единству двух взаимодополняющих частей.

Михей Спиридонович прибыл в эту деревню двадцать четыре года назад. Сам он был из далекой Кемеровской области, из семьи шахтеров, но еще в раннем детстве заболел кинематографом. В юности он грезил актерской судьбой, знал наизусть все фильмы и по много раз, оставаясь один, проигрывал любимые сцены. Но его семья была бедна, да и сам он осознавал, что при всей пылкости природы его внешность и чуть гнусавый говор вряд ли позволят ему блистать на актерском поприще, оттого не рискнул ехать поступать в театральное училище в Москву или Ленинград, а выучился в Кемерове на электрика. Но, поработав пару лет на электроподстанции, понял, что совершил непоправимую ошибку. «Да, я не стал актером, я продал мечту. Но я не могу жить без кино

и, значит, должен идти путем, предназначенным мне судьбой!» — решил Михей, уволился с работы, окончил краткосрочные курсы киномехаников и, как положено настоящему герою, отправился на передовую кинопросвещения. «Не хочу сидеть на теплом месте и “крутить кино”. Моя задача — нести культуру в народ!» — писал он в своем дневнике, когда, сидя на ящике с кинопроектором, ехал на почтовом катере в маленькую северную деревню.

Нарисованные воображением двадцатипятилетнего киномеханика испытания сбылись с лихвой. Городскому жителю пришлось адаптироваться к сельскому укладу, но он стоически терпел все невзгоды ради своей преисполненной великого смысла цели. Ведь Михей Спиридонович привез в деревню не просто киноаппарат — он привез свет искусства!

И надо же было звездам сойтись на небосклоне так, что юная Галина Васильевна, выпускница педагогического института, волей судьбы, проявившейся в послевузовском распределении, оказалась занесенной в эту глушь. Молодая, таинственная и небесно-прекрасная...

Конечно, их пути пересеклись.

С годами Михей Спиридонович укрепился в своем особом предназначении настолько, что сначала в шутку, а потом уже и без иронии именовал себя Прометеем культуры. Деревенский народ относился к киномеханику с почтением, однако за его чудаковатую внешность, исключительную ранимость и наивность приклеил ему прозвище Исусик.

У сельского совета царило необычное оживление: два приезжих статных мужика и местные помохи собирали замысловатую конструкцию из проводов и металла, взрослые зеваки и шпана висели на заборах, перешептываясь о телевидении, добравшемся до самых глухих уголков страны. Пришлые умельцы, полные горделивой важности, командовали деревенскими подмастерьями, а те, понимая, что участвуют в историческом событии, выполняли все команды безропотно и старательно.

— Господи Исусе! — перекрестилась в ужасе Викентьевна, глядя, как растет «антела».

— Глянь, бабка Ефросинья! — улыбаясь во все тридцать два зуба, воскликнул председатель. — И к нам телевидение пришло!

— Это еще чего такое, Петр Митрофаныч? — вытаращилась старуха.

— Добрая вещь, Ефросинья Викентьевна, добрая! Как бы объяснить...

Из себя телевизор вроде ящика, только крышка передняя из стекла, она экран называется. Вот на этот экран транслируется изображение. Раньше только радио слушали, а в скором времени будем кино прямо у себя дома глядеть!

— Кино... глядеть... — промычала Викентьевна, судорожно вспоминая события дня. И отчетливо представила, как вся деревня в очередной раз поднимет ее на смех.

«Эх ты ж!» — ругнулась она про себя и в этот миг заметила на крыльце сельсовета ничего не подозревающего Микитку. Он только что прикурил сигаретку и, весело щерясь, наблюдал за созданием антенны.

— Ах ты зубоскал, усмешник подлый! — взвилась Викентьевна. — Срамец бессовестный, охальник, лихоимец! Ишь, какое издевательство устроил над пожилой женщиной! Слышьте, люди, этот обалдуй меня до испугу довел — наплел про антелу и марсианов...

Разгневанная бабка двинулась к шутнику. У Микитки от неожиданности изо рта выпала сигарета, он спрыгнул с перил и попятился с крыльца. Весь любопытствующий народ с осуждением глядел на незадачливого юмориста, а когда Микитка пустился прочь, проводил его смехом и свистом.

Михей Спиридонович слегка оторопел: казалось, что на центральной улице собралась большая часть жителей. Сначала он подумал, что это внеплановый сельский сход, но шагающий навстречу председатель счастливым голосом сообщил:

— Радостное событие, Михей Спиридонович, телевидение и до нас добралось!

— Да вы что, Петр Митрофанович?! Вот это новости! — вторя председателю, бодро воскликнул киномеханик, но тут же ревность остро кольнула его в самое сердце. Несколько минут он растерянно наблюдал за тем, как молодые, пышущие энергией специалисты собирают спутниковую антенну на глазах у восторженной публики.

Появление Михея Спиридоновича с афишей, похоже, не заинтересовало никого: все, как зачарованные, смотрели на телемастеров. Михей Спиридонович поежился от мгновенно накатившей волны холода, но тут же взял себя в руки и задорно прокричал:

— Внимание, внимание! Почтенные односельчане! Сегодня в восемнадцать ноль-ноль кинопоказ для детей — сказка «Василиса Прекрасная», а в двадцать один ноль-ноль — всеми любимая комедия для взрослых «Девчата»! Напоминаю, что вход разрешен лицам от шестнадцати лет и старше!

Односельчане встретили приглашение с должным вниманием, раздались одобрительные возгласы, и Михей Спиридонович, немного успокоенный, пошел дальше по улице, приподнимая шляпу в многочисленных приветствиях.

У клуба киномеханик наткнулся на Микитку. Тот курил и матерился. Михей Спиридонович решил незамедлительно провести воспитательную беседу. Он кашлянул и, когда Микитка оглянулся, сказал:

— Ай-яй-яй! Никита, Никита... И как же тебе не стыдно! На пороге храма искусств — и такие матюки загибать!

Но вместо ожидаемых извинений получил от обычно веселого и добродушного парня хамский ответ:

— А-ну вас к лешему!

Микитка исподлобья посмотрел на очередного воспитателя, смачно сплюнул и подался к берегу.

Обескураженный Михей Спиридонович захлопал глазами, его душа заныла от горькой обиды. Он не знал о причинах Микиткиной злобы

и оттого после недолгих раздумий пришел к выводу, что эта грубость есть не что иное, как утрата уважения к нему, служителю киноиндустрии, а причина — в открывшихся перспективах телевидения.

«Да! — печально размышлял киномеханик, открывая жестяные кинобанки и проверяя, целы ли пленки в бобинах. — Возможно, это закат. Теперь телевидение придет в каждый дом. Люди перестанут ходить в клуб...» Ему вспомнилась прошлогодняя поездка в родной Ленинск-Кузнецкий: полупустой любимый кинотеатр «Победа». И пусть в тот день лил затяжной осенний дождь и промозглый ветер срывал листья с кленов, Михея Спиридоновича обидело наличие пустых мест в зале на вечернем сеансе. «Да, бесспорно, телевидение — вещь хорошая и перспективная, — про себя спорил он. — Но ведь поход в кино — это не просто просмотр, это гораздо больше! Люди, уставшие от трудовых будней, празднично одеваются, приходят в кинотеатр парами, семьями, общаются... Кинотеатр объединяет, воспитывает, привносит в обыденность новизну!»

Когда погруженный в тягостные думы Михея Спиридонович склонился над тарелкой наваристого борща и начал рассеянно размешивать ложкой сметану, Галочка окончательно убедилась в том, что муж чем-то опечален. За годы их брака она так хорошо его узнала, что иногда, казалось, слышала его мысли.

— О чем так громко молчишь, Михеюшка? — спросила она так ласково, что услышь вы этот вопрос, тут же прослезилась бы и поведали без утайки обо всех своих горестях и бедах.

Михеюшка поднял взгляд на Галочку, в его глазах читался извечный трагический вопрос о смысле жизни. Но, заметив испуг жены, киномеханик тут же заулыбался и с притворной легкостью, как будто между прочим, ответил:

— А ты знаешь, Галочка, скоро у нас в деревне будет телевидение. Представляешь, какая радость!

Галочка интуитивно угадала суть его переживаний.

— Слышала. Ну и что ж с того? Телевидение и телевидение. — И, отвлекая мужа от душевных терзаний, спросила: — А что там сегодня на вечерний сеанс? Так хочется в кино сходить!

— «Девчата», — на мгновение оживился Михея Спиридонович, но заноза обиды снова шевельнулась в груди. — В этом году «Девчат» присылали дважды. В январе и, кажется, в мае... Слишком часто, не находишь?

— Что ты! Ведь это же шедевр! Потрясающий фильм! В нем есть все — и дружба, и любовь, да еще какая! А юмора сколько! А какие актеры: Рыбников, Румянцева, Пуговкин... Нет! Это вечный фильм, ведь в нем правда нашей жизни.

Говоря пылко и страстно, Галочка вся будто наполнялась особым сиянием, и сердце Михея Спиридоновича забилося чаще, а все тревоги и сомнения рассеялись как туман. Он с жадностью накинудся на борщ, а Галочка, подперев подбородок пухлым кулачком, умиленно смотрела

на угловатые движения мужа. Ей всегда нравилось смотреть на него. Когда он ел, смешно морщась от горячего, а его губы подрагивали в такт его мыслям. Когда он спал, ровно и глубоко дыша, и его лицо расслаблялось, становилось умиротворенным и блаженным. Она смотрела на него, когда он работал, тщательно, по линейке, вымеряя каждый миллиметр на афише. Он был необыкновенно аккуратен и педантичен, казалось, он не афишу на день пишет, а строит проект фантастического мира.

Следующая неделя, пока монтировали телевизионную антенну, не сказалась на зрительской активности. Каждый вечер в клубе был привычный аншлаг: еще задолго до сеанса крыльцо заполнено мужиками — гогот, байки; в фойе молодые ребята играют в бильярд, на подоконнике азартный шахматный матч; бабы уже расселись в зале, перешептываясь, и посмеиваются над очередным деревенским анекдотом; старики и старухи чинно занимают почетные места в передних рядах. А Михей Спиридонович обилечивает зрителей, отвешивая направо и налево такие же угловатые, как он сам, комплименты барышням, и ручкается с солидными гостями.

Михей Спиридонович знал свое дело виртуозно. Культпросвет — наука тонкая, и в ней нет мелочей. Он никому не позволял в храме культуры грубость и мат, не разрешал дымить в помещении и бросать окурки в неположенных местах. А еще заставлял местное население чтить никем не оговоренный дресс-код: попросту не пускал на сеанс лиц «ненадлежаще выглядящих» и никакие оправдания, что, дескать, только с покоса прибыл или из-под трактора вылез, не могли его смягчить.

— Будь человеком, Арсений! Пойди умойся, причешись, рубашку надень. Тут культура тебе, а не сарай! Что? Нет и еще раз нет! Не пущу в таком обормотском обличи! Подумай, кому приятно с таким распустехой рядом сидеть?

Но потом, кашлянув, добавлял:

— Беги, я на пять минут сеанс задержу. Видишь, люди пока общаются. Как раз успеешь, ноги-то молодые.

По воскресеньям перед началом сеанса он обычно проводил небольшую «культ-информацию», сообщая интересные сведения о фильмах и актерах. Это были довольно косноязычные выступления, но народ невозмутимо и стойко переносил их в знак уважения к киномеханику и одобрения его просветительской миссии. Некоторые «культ-сообщения» были от многократности повторений уже заучены, и древние как мир старухи шевелили губами, опережая оратора. В финале киномеханик громко гнусавил что-нибудь вроде: «Да здравствует советское кино!» — и зал взрывался аплодисментами, после чего Михей Спиридонович слегка смущенно, но с видом великолепно отыгравшего спектакль актера поднимался в кинобудку и запускал фильм. Зрители смеялись, грустили вместе с его любимыми героями, а он зорко наблюдал сквозь маленькое оконце, кто из односельчан ведет себя неприлично: ходит

по залу, шумно стучит креслом, — и затем непременно пенял нарушителю, пока не слышал извинения и обещание исправиться.

Восемнадцатого июля началось тестовое телевещание. В домах в разных местах деревни были установлены телеприемники — маленькие ящички с крошечными экранами, кнопками и датчиками на корпусе. Один телеприемник установили в сельсовете, второй — на почте, третий — у председателя, четвертый — у начальника участка, пятый выдали директору школы, шестой — передовику производства, лучшему охотнику-промысловнику Зыряну Андреевичу Воропаеву. Еще пять телевизоров в деревне уже было: у приезжих новосельцев Микушко, учителя арифметики Зябликова, сельчан Маклакова, Вершкова и Горшунова.

В день начала вещания, в обед, у сельсовета состоялось торжественное собрание, где председатель поздравил жителей села с новой, телевизионной эрой и после сдержанных аплодисментов нажал кнопку «Пуск» на выставленном на крыльцо телевизоре. Экран мигнул, и на нем появилось изображение. В тот же миг раздался свист и бурные овации, а из толпы ринулась частушка:

— Эхма! Жисть пришла —
Не сойти бы с ума!
Телевизоры вещают,
Ново счастье обещают!

Призывно грянула гармонь, которую принес на сход счастливый Зырян Андреевич. Сначала несколько смельчаков неуверенно начали пританцовывать, но когда в круг выпрыгнула и заголосила частушки молоденькая секретарша Ирочка, вся деревня пустилась в пляс. Люди ликовали так искренне, живо и непосредственно, как ликуют дети и те, кто, и повзрослев, не утратил веру в чудеса.

Спустя десять дней Михай Спиридонович потерял аппетит и даже затемпературил.

— Как это так? — сокрушался он, лежа на тахте с мокрым полотенцем на голове. — Как такое может быть? На вечернем сеансе — двадцать свободных мест! Так и до пустых залов дойдет. Ну и что с того, что картина сегодняшняя третий раз за год в прокате? Ведь фильм-то хороший!

Галочка сочувственно кивала, мешая ложкой свежесваренный чай с мятой.

— Ты представляешь, иду я из клуба — и то там, то сям вижу тащащих стулья сельчан. Интересуюсь строго, что, дескать, за мебельная лихорадка? И представь!.. Ты только на мгновенье представь, Галочка, — это они ходят по деревне телевизоры смотреть!

— Милый мой! Драгоценный мой! Михеюшка! Ты попей мятного чаю, успокойся, — лепетала жена. — Ну походят, посмотрят. Пройдет новизна — и снова пойдет народ в клуб...

— А если не пойдет? — не унимался Михеюшка.

— Не может такого быть! Пойми, клуб на селе — это место особое. И во многом благодаря тебе, ведь ты не только кино крутишь, ты образываешь народ!

Михей Спиридонович неожиданно даже для самого себя резко перебил жену:

— Галя, стоп! Не утешай... Неужто я не понимаю, что недотягиваю со своим просвещением до уровня центрального телевидения.

Но та настаивала:

— Нет, Михей, увидишь мою правоту. Для сельского жителя душа важна, а душу сквозь холодное стекло не увидишь. Потешит люд любопытство, и будет все как прежде. Вот смотри, когда появилось кино, многие считали, что театр умрет, но театр жив и жить будет. Сейчас с телевидением то же самое... — И она взяла мужа за руку.

Михей Спиридонович крепко обхватил мягкую, теплую ладонь жены. Он желал обрести ее уверенность и безмятежность, но весь был полон тягучим и липким унынием.

Целую ночь киномеханик не спал. Он прохаживался по кухне, как запертый в клетке зверь, иногда что-то записывал на тетрадном листе, зачеркивал, комкал, писал снова... Дойдя до изнеможения, упал на табурет, дрожащими руками вынул из ящика стола дневник и открыл его на первой странице. Его глаза наполнились слезами. Он начал читать — и с каждой страницей в нем все отчетливее просыпалось то молодое, неистовое чувство революционера.

— Да! — шептал он. — Я стал сытым и самодовольным. Я стал рыхлым, оттого что все шло просто и гладко. Счастье размягло меня, любовь избаловала, а народное признание выпестовало во мне гордыню. И вот первое за эти два десятка лет испытание — а я слег, занемог! Малодушный и жалкий трус!

Признавшись себе в слабости, он встал и громко сказал:

— Не бывать! — но, испугавшись разбудить жену, договорил шепотом: — Не бывать, чтобы я проиграл без боя! Мы еще повоюем!

И Михей Спиридонович начал разрабатывать план по привлечению зрителя на киносеансы. Когда основные пункты плана оформились, он написал в дневнике: «И все-таки из всех искусств важнейшим является кино!» Он и сам не понял, что в этой фразе ему удалось объединить Галилео Галилея и Владимира Ильича. Если бы сейчас Михея Спиридоновича судила инквизиция, он, как и Галилей, отрекся бы от всего (исключительно ради Галочки), а потом, поверженный, но несломленный, покидая зал суда, сказал бы: «И все-таки...» — и закончил бы ленинским постулатом!

Вот уже неделю Михей Спиридонович занимался реформой клубного кинопроката. Первым делом, памятуя о том, что реклама — двигатель торговли, он начал с особой тщательностью продумывать и готовить афиши, украшать их узорами, цветами, яркими картинками. Киномеханик не без удовольствия подмечал, как ребятя и взрослые разглядывают его незатейливую «живопись». Да, теперь он тратил на афиши не двадцать

минут, а несколько часов, привлекая на помощь Галочку. Но что такое время? Сколько мы сжигаем его в праздных словах и мелочных заботах, а здесь оно работало на благородную цель!

Еще он повесил в фойе клуба стенд, куда регулярно вывешивал фотопортреты актеров советского и зарубежного кино. Эти открытки он собирал десяток лет, хранил как зеницу ока, но теперь заставил замолчать мелочный страх возможной утери (ведь многие мечтают заполучить в личный альбом карточку со звездой). Ну и самое главное, он стал ежедневно, прогуливаясь по деревне в обеденный час, заглядывать к сельчанам и лично приглашать их непременно посетить вечером киносеанс.

Галина Васильевна чувствовала себя человеком благородных кровей (и в большой тайне от всех гордилась своим далеко не пролетарским происхождением — ее предки в дореволюционные времена были успешными купцами): родилась и выросла в Красноярске, окончила институт. Она была интеллектуалкой, но не скучным книжным червем, а живой, порхающей диковинной птицей, то стремящейся ввысь — к высоким идеалам, то с любопытством кружащей над всякой житейской чепухой. Еще в день ее самого первого появления в школе все отметили необыкновенную, ангельскую красоту, подкупающее обаяние, завораживающее красноречие и фантастический вкус. Она выделялась элегантностью не только на фоне простых сельских баб, но и затмила всех модниц деревни и на целые десятилетия стала местной законодательницей стиля. Все кокетки, приходя к портнихе Марии Иосифовне с заказом, непременно говорили: «Сшейте, голубушка, под Галину-Василису...» — так за глаза величали Галину Васильевну жители деревни, вкладывая в это прозвище народное представление о красоте и мудрости.

Галина Васильевна быстро поняла, что стала деревенским эталоном красоты, и относилась к этому легко и весело. Но годы быстротечны, а век женской красоты короток, как благоухание нежного цветка. Перелетев через сорокалетний рубеж, Галина Васильевна все чаще стала подмечать следы неумолимого увядания. Жесткие пегие нити проглядывали в ее вьющихся соломенных волосах; сеточка мелких морщин растянулась паутинкой на подвижном лице. Галочка стала тучнеть, походка и жесты теряли прежнюю грацию, а звонкий голос все чаще и чаще стал сипнуть по утрам. Вот и сейчас, проводив мужа на работу, Галина-Василиса размышляла над его переживаниями, глядя при этом на себя в зеркало.

— Да... — вздыхала она. — Ничего не стоит на месте. Прогресс, движение — это и есть жизнь, и на смену старому приходит новое... — И слово «старому» ее как-то особо резануло.

В дверь постучали.

Это была Ирочка. Она лишь два года назад окончила школу, прошла курсы машинной печати и сразу вступила в должность секретаря сельского совета. Ирочка действовала на перспективу, с интересом изучала делопроизводство, бухгалтерию и уже год заочно училась в техникуме. А сейчас прибежала за помощью в выполнении контрольной работы.

— Добрый день, Галина Васильевна! Вы уж простите, что беспокою, но так нужна ваша подсказка!

Галина Васильевна любезно поприветствовала гостью и пригласила в дом.

— Вот, — вздохнула Ирочка, располагаясь на стуле, — не слушала вас в свое время, а теперь маюсь. Разве в школе понимаешь, как важно изучение иностранных языков! А теперь не могу контрольную сделать.

— Хорошо, — снисходительно кивнула Галина Васильевна. — Но позволь мне, Ирочка, на пять минут уединиться. Знаешь, не могу в домашнем наряде, неловко... — И удалилась, дабы привести себя в порядок.

— Потрясающая вы женщина, Галина Васильевна! Я с детства изумляюсь вашей красоте и модности. Признаюсь, мы с девчонками еще в школе ваши наряды зарисовывали, а еще — вы только не смейтесь! — Я как-то два дня перед зеркалом училась шарфик повязывать как вы.

От этих слов Галина Васильевна зарделась.

— И сейчас вы выглядите отлично! Вам ведь уже сорок пять? — со свойственной юности непосредственностью прямо спросила Ирочка.

От этого вопроса у Галины Васильевны похолодело в груди и заняло в животе, но, взяв себя в руки, она наигранно хохотнула:

— Нет, Ирочка, еще нет сорока пяти. Мне всего сорок... с хвостиком!

— Ну вот, вам сорок! Господи, как же это много... Но как вы выглядите! Максимум... — Ирочка немного задумалась и продолжила: — Ну максимум на... тридцать восемь!

Галина Васильевна вернулась в комнату. Тонкая шелковая блуза с кружевным воротничком и прямая парчовая юбка облегли плавные изгибы ее женственной фигуры.

Ирочка ахнула:

— Вам бы в телевизор, Галина Васильевна! Ну вы точно как диктор программы «Время»!

— Скажешь тоже... — лукаво улыбнулась хозяйка, радуясь произведенному эффекту.

— Вчера я ходила к Вершковым телевизор посмотреть, так там у дикторши блуза с жабо, рюши от воротничка до самого низа, а в центре брошь с камнем! У мамы брошка с камнем есть, а в магазине у нас есть гипюр в мелкий цветочек, вот я и придумала такую же блузу сшить. Сегодня снова к Вершковым пойду, надо все детали зарисовать.

— А если диктор будет в другой блузе?

— И ее зарисую! По телевидению столько фасонов модных посмотреть можно! И десяти копеек не жалко.

— Десяти копеек?

— Вершковы за просмотр телевизора по гривеннику берут, — махнула рукой Ирочка и открыла учебник. — Вот, Галина Васильевна, не понимаю, как сделать...

Когда счастливая Ирочка удалилась, Галина Васильевна расположилась на тахте, терзаемая противоречиями. С одной стороны, ей, как и Ирочке, нестерпимо захотелось хоть одним глазком посмотреть на дикторские наряды и обновить свой гардероб на столичный манер

к началу учебного года; с другой стороны, она не хотела обидеть Михея Спиридоновича, особенно сейчас, когда он находился в таком нервном состоянии. Но все же, после долгих раздумий и сомнений, она поддалась искушению и замыслила страшное...

Вечером Галина Васильевна нежно поцеловала супруга, провожая его на работу в клуб. Сердце ее при этом съежилось от странного холодка, а голос совести шепнул: «Поцелуй Иуды!» После ухода Михея она еще минут пятнадцать мялась в нерешительности, но страх потерять статус Василисы Прекрасной победил. Появив на голову газовый платок, Галочка поспешила задними дворами к Вершковым.

Люба Вершкова была самой серой и невзрачной деревенской бабенкой: ни красотой, ни статью, ни умом она не блистала. Зато муж ее, красавец Федор, с юности пользовался большим вниманием среди женского сословия и безоговорочно уверился, что любая, помани он пальцем, отважится на многое. Ох, не одной девке разбил он юное сердце! А женился на невзрачной Любе. Поначалу в деревне шептались, что, дескать, в тихом омуте... Мол, приворожила она красавца Федора. Но вскоре люди смекнули, что ни при чем тут ни колдовство, ни страстная любовь, а налицо исключительно стратегический расчет. Жена Федору была нужна тихая, безропотная, трудолюбивая, неприметная, чтоб, как говорят, на одну половицу ступала, а на вторую оглядывалась. В Любе этой кротости нашлось с избытком: день и ночь она мыла, чистила, скоблила, нянчила детей, работала по хозяйству и не просила у мужа ни ласки, ни заботы, ни подарков. Ну не жена, а сказка!

— Вы ли, Галина Васильевна?! — всплеснула руками Люба. — Даже и не думала вас увидеть. Вы ж с городу. Это нам, глухим, телевизор в диковинку, а уж вы-то, поди... Ну, проходите, проходите скорей! — Она искренне радовалась такой важной гостье. — Только фильм позже, сейчас новости идут.

— Любочка, я и пришла последние новости глянуть... — густо покраснела Галина Васильевна.

— Вы уж простите душевно, — промямлила Люба, стыдливо хлопая глазами, — но Федор наказал по десять копеек с посетителей брать...

— Конечно, конечно! — Галина Васильевна торопливо сунула хозяйке гривенник.

В тесную комнату набилось полтора десятка человек. Сидели на табуретах, стульях, прямо на полу и, как загипнотизированные, смотрели на экран. Шел репортаж о Кубани. Галину Васильевну потрясло увиденное, ей стало невероятно стыдно за убогость местного деревенского быта, но более всего за собственную — духовную. Она, самодостаточная, уверенная в себе женщина, настолько боится признать, что молодость прошла!

Конечно, Галина Васильевна не сбежала сразу. Собравшись с мыслями, она посмотрела на дикторов, подметила-таки детали нарядов. Через пятнадцать минут, по завершении новостей, она попрощалась с Любой и, почему-то лебезя и сама этому удивляясь, пролепетала:

— Вы уж, Любочка, не афишируйте, что я приходила. А то и впрямь — пришла, будто не видела телевизор ни разу! Просто радио дома сломалось утром, вот и решила сходить... новости узнать.

— Да что вы, что вы! — шептала Люба. — Приходите еще, мы вам всегда рады!

Федор Вершков, статный, плечистый тридцатилетний мужик, шкурил новую лавку. По его лицу струился пот, а вокруг кружилась мошка, но он не обращал внимания на неудобства, покрывал, ловко орудуя наждачкой.

Михей Спиридонович, совершая свой ежедневный обход односельчан, поздоровался с Федором.

— Привет работникам кинопроката! — блеснул улыбкой тот и продолжил работу.

Михей Спиридонович уходить не собирался. Немного помявшись, он начал:

— Сегодня, Федор, картина вечером хорошая — «Белое солнце пустыни». Приходите с Любочкой. Я там фото новые в фойе развесил и информацию о жизни и творчестве Марины Ладыниной...

Но Федор только ухмыльнулся:

— Эх, Спиридоныч... По чести скажу — у нас теперь в доме каждый день кино, какое хошь. А насчет информации твоей... Жили мы без портретов как-то — и теперь проживем.

Михей Спиридонович даже задохнулся от негодования. Но он знал, что с людьми нужно все решать по-хорошему, а уж если ты заинтересован в человеке, то и подавно. Поэтому проглотил обиду и добродушно парировал:

— Ну что ты, Федор, — прямо уж какое хошь?! Неужто нынче этот фильм показывать будут? — и хитро сощурился.

Федор отложил доску.

— Эх, брось ты, Спиридоныч, канючить! Думаешь, не вижу, что бегаешь ты по деревне неспроста, неспроста афиши свои хохломой обводить принялся? — Он лукаво подмигнул.

— Я для красоты... — заволновался киномеханик.

— Ага! Для красоты! Это ты другим лапшу вешай, а я далеко не дурак, хоть и вырос в деревне этой дремучей! — Федор пронизывающим, цепким взглядом впился в Михея Спиридоновича. — Ты же всех зазываешь, чтоб выручку поднять. Смекнул, что люд по телевизорам ходит, а не на твои фильмы, вот и забегал!

Михей Спиридонович буквально окаменел, только хлопал ресницами и беззвучно, как рыба, шевелил губами.

— Я тебя не осуждаю, — снисходительно продолжал Федор. — Я тебя с малых годов уважаю. Ты человек из города, образованный и сечешь, как прибыль варится. Выручка больше и план выполнил — тебе и премия, и грамота, и почет с уважением. А меж тем — где рублик, где два себе в кармашек в обход кассы — и глядишь, четвертной, а то и полтишок прибытку.

— Да ты что такое говоришь?! Да чтобы я... да я... — дрожащим голосом шептал Михей Спиридонович.

Но Федор не унимался:

— Ну будет глаза округлять! Ни в жизнь не поверю, что не тянешь из котла-то. — Он ехидно скривился. — А если не тянешь, то дурак, и черт с тобой! Я, к примеру, не стыжусь, что стремлюсь лишней рубль заработать. Для себя, для детей. Он лишним никогда не будет! И прихвачу где что плохо лежит... Вот, например, доску эту спер возле склада вчера вечером, а теперь это мое! — и ткнул в лавку.

— Это же воровство! — взвизгнул Михей Спиридонович.

— Какое воровство? Это государственное — значит, общее, а значит, и мое тоже! Оставили, не прибрали как положено — я не виноват! — И Вершков весело загоготал, видя беспомощность стареющего просветителя.

Горделивая спесь полезла из Федора.

— Я парень не промах! — произнес он, торжествуя. — Еще год назад телевизор из города привез. Знал, что и в эту глухомань цивилизация дойдет, но и не думал тогда, что такое удачное вложение будет. Вот лавку мастерю — как думаешь, для чего? На ней плотняком десяток зевак поместится, а это, почитай, рублик. А прибавь сюда стулья и табуреты — почти трешка за вечер-другой, как с куста!

— Так ты что, деньги с людей берешь? — ужаснулся киномеханик.

— А ты как думал? Нет, за так у меня в доме с утра до вечера топчут! Государству можно, а мне нет?

— Так это же незаконно! Это спекуляция...

— Ты чушь-то не мели! Я ничем не торгую, а то, что деньги за просмотр беру, так ниже государственной цены. У тебя вон киношка по двадцать копеек. И удобство людям предоставляю: человеку со стулом переться не надо!

— Какой ужас! — только и смог выдать Михей Спиридонович, а когда Федор снова рассмеялся, грозно прогундосил: — Ты подлый делец, Федор!

Но тот на это лишь махнул рукой:

— Эх, Спиридоныч, а ты и вправду Исусик, недаром тебя за спиной так называют... Носишься, блаженный, с афишками, как с образами, только нету Бога твоего! Нет его! Мир прост и жесток — либо ты, либо тебя! Душевный ты человек, право слово, душевный, но дурак... Честно тебе скажу — дурак!

Киномеханик выпрямился и процедил сквозь зубы:

— А вот руки-то я тебе больше не подам!

Глаза Федора вспыхнули адским пламенем.

— А между прочим, Галина Васильевна-то вчера в гостях у нас была и тоже телевизор глядела.

— Врешь! Врешь все! — взвился Михей Спиридонович, сжал кулаки и кинулся к Федору.

Тот, заложив руки за спину и выгнув грудь колесом, двинулся навстречу.

— Да будет тебе! Ну хошь — ударь! — веселился он. — Да ударь, ударь! Может, полегчает.

Михей Спиридонович попятился, выскочил за калитку и пустился наутек.

— Будет шуметь-то попусту! Сначала у нее самой спроси, а уж потом в драку суйся! — прокричал ему вслед Вершков.

...Михей Спиридонович плелся по улице, не видя домов и людей. В его глазах сквозь застилавший их туман проглядывали то гадкое лицо Федора, то милое и прекрасное, но уже какое-то чужое лицо Галочки.

— Как ты могла?! — выпалил Михей Спиридонович с порога.

Галина смотрела на него глазами, полными раскаяния. Ее вчерашний поход, сродни предательству, обжигал душу чувством вины и скорби. Еще вечером она хотела признаться, но понурый вид Михея после очередного киносеанса с полупустым залом не позволил ей сделать мужу еще больнее.

«Как теперь быть? Броситься перед ним, бледным и измученным, на колени, целовать ему руки, моля о прощении? Или применить женское лукавство и солгать, что это была просто разведка?» — В голове Галочки творилось нечто невообразимое.

— Как ты могла... — повторил Михей, полный горя и разочарования.

Его жену сковал ужас, в эту минуту она была готова отдать все, что у нее есть, свою жизнь и даже остатки былой красоты, лишь бы повернуть время вспять! Но совершенные поступки обратного хода не имеют.

— Не молчи, — умоляюще сказал Михей. — Ну скажи, скажи мне, что я дурак, бегающий с афишками Исусик... Так они меня, кажется, называют? Смейся с ними, смейся, что я неудачник, потративший жизнь на глупое донкихотство! — Плечи его дрогнули, и он заплакал горько и безутешно. Крупные горошины катились по его щекам; он силился удержать их, силился спрятать, но это были слезы разбитого сердца.

Галочка и хотела бы что-нибудь сказать, но не могла.

— Я уйду! — Михей выпрямился и, отодвинув жену, решительно направился в комнату.

— Не пуцу! — наконец надрывно закричала Галочка, прыгнула, как дикая кошка, и вцепилась в его плечи.

— Оставь! — Михей Спиридонович впервые в жизни оттолкнул Галочку.

Под ее горькие рыдания он быстро сложил в чемодан несколько смен одежды, зубную щетку, бритвенный станок, паспорт, а сверху бросил свой дневник. Закрыв чемодан и, сунув под мышку подушку, вышел из дома.

Ефросинья Викентьевна еще издали увидела сидящего на чурке у крыльца супруга. Василий Петрович оперся подбородком на клюку и тоскливо взирал на резвящуюся неподалеку ребятню. Завидев запропастившуюся куда-то жену, он грубо выругался, встал и вперил в нее уничтожающий взгляд:

— От она явилася! Всю деревню от верьху до низу ожгнула!⁵ И бежит, упиратся... Куды опеть тебя таскало, растыка?!

— Ой, Василий Петрович! — виновато заблелла супруга. — Ходила не по своей воле, а с поручением. Тетя Тюня попросила всех наших собрать к ей на вечерку... У самой-то у ей ногу с позатого дня запоперчило...

— Ой ли? От врать! Видел я Тюню нынче, дрова она таскала, так на ногах, а не ползком! — В голосе мужа скрежетало недовольство. — Тебя разве можно по делу посылать? Ты какой человек? Видать, сама рванула сплетни в клубки сматывать!

— Вот те крест! — Викентьевна занесла руку наложить крестное знамение, но застыла. — А знашь, почему у тети Тюни праздник намечатся? Ейный сын телевизор вчерась ей приволок! С самой Москвы привез!

Василий Петрович хоть и взмахнул рукой в знак недоверия, но не упустил возможности посетовать:

— Вот у человека дети как дети! А тут, язви их в душу мать...

А Викентьевна продолжила:

— Будем нынче вечерять да телевизор глядеть!

— Ты там смотри у меня, не навечерься... А то я тя знаю! У Тюни завсегда брага ядреная, и подаст гостям как положено... А тебя ж только пусти брагу лакать. Век срам один получатся!

Викентьевна скукожилась:

— Уж и выйти в люди не могу... Уж и по стаканчику с другими бабами тяпнуть не положено...

Но супруг ее перебил:

— Будь тебе уже нудь разводить! Ступай, кто тя держит. Но гляди у меня: блюда себя и наружности не теряй! — И он многозначительно потряс костылем.

— Да что ты, Василий! Уж не посрамлю, уж не забалую!

— То-то же...

До самого вечера старик припоминал жене ее ошибки и оплошности с молодых годов до нынешнего дня. Викентьевна меж тем выживала из сундука разные наряды, оглядывала свой потрепанный временем гардероб и благополучно складывала все на место, так как времени и желания привести вещи в порядок у нее не обнаруживалось. В итоге она пригладила на себе ладошками утреннее платьье, накинула поверх него мужнин пиджак, нацепила стеклярусные бусы и газовую косынку, глянула в зеркало и, обильно смазавшись духами «Ландыш», в завершение надела поверх шерстяных носков лаковые туфли. Все время, пока она прихорашивалась и, довольная собой, дефилировала по двору, ее сопровождали едкие комментарии мужа:

— Ишь, кого вырядилась, срамовка! Камуса-то как тянет!⁶ Ишь ты, напялила конское копыто! Тьфу! Вертихвостка старая!

⁵ Ожгнуть — обежать с большой скоростью, так что пыль столбом.

⁶ Т. е. ходит манерно, ступает как по линейке на каблучках.

Но Викентьевна игнорировала эти хлесткие высказывания, изображая приступ полнейшей глухоты, про себя же украдкой посмеивалась: «Ишь ты, шумит! Ох, ревнует еще! Гляди-ка, раздухарился не на шутку!»

Со всех концов деревни к означенному часу в околоток бабки Тюни чинно шествовали нарядные старухи. В руках каждая несла сверток, или котомку, или ридикюль с гостинцем — угощением к столу: кто прихватил соленье, кто — варенье, кто — шматок сала, кто — горсть конфет. Полагалось и хозяйку отблагодарить за гостеприимство, и свое хлебосольство показать. Даже Марина Евпатьевна, надев коралловые бусы и обмотавшись огромным, как покрывало, шерстяным посадским платком, сунула под мышку литровую банку моченых яблочек, прикупленную для особого случая пару лет назад в плавмагазине.

Хозяйка расхлебянила двери — студила дом. На столе красовалась вышитая скатерть с кистями, блестела праздничная посуда: расписные тарелки и чашечки тонкого фарфора, стеклянные стаканы с золотым ободком, вилки и ложки червленого серебра из далекой дореволюционной поры. Соленья, грибы, рыба, ягоды, молодая картошка, свежая зелень — стол ломился от незамысловатых яств, дарованных северной природой.

— Ой, мои, проходите! Всё ли слава богу? И дай бог всякого благополучия! — встречала каждую гостью бабка Тюня, благодарно принимая приношения и тут же выставляя их на стол.

Вместе с ней хлопотала Викентьевна, напустив на себя важную деловитость. Она поправляла тарелки, сопровождала товаров по избе к виновнику торжества — укрытому кружевной салфеткой телевизору, а затем усаживала всех согласно рангу за праздничный стол.

Когда старушечий сход был в полном сборе, бабка Тюня вынесла из кути банку янтарной браги и принялась обносить подруг по кругу, начав с самой древней — Марины Евпатьевны — и завершив розлив на молодухе Викентьевне, а гости охали и ахали по поводу ароматности и красоты продукта.

Хозяйка взяла в руки стакан:

— Ну, девоньки мои, чтоб не последняя!

И бабки, смеясь, начали чокаться и цедить божественный напиток.

Больше часу потчевались, ведя промеж питья и еды приятные беседы — перемывая кости местным гулякам и обсуждая последние деревенские новости.

— Слыхали, бабы, — прогундела бабка Аграфена, — наш Исусик, Михей Спиридонович, от Галины-Василисы ушел! Своими глазами видала: вчера по вечеру с чумаданом и подушкой мимо избы моей идет, а сам слезьми заливается. Я ему говорю: «Ты чего, парень? Стряслось чего?» А он мне так горько, знашь, так прям... ух!.. говорит... «Все!» — говорит. «Ушел!» — говорит. «И вообще, — говорит, — уеду отсюда!»

— Да ты что?! — поперхнулась Ефросинья Викентьевна. — А я и не слышала об том!

— Ой, девки, не иначе, снег пойдет завтра! — подмигнула хозяйка. — Наша Викентьевна да такую сплетню мимо пропустила!

Старухи дружно рассмеялись.

— А чего стряслось-то у них? — вращала глазами Викентьевна. — Мож, гульнула с кем наша Галина-Василиса?

— Будь болтать! — махнула рукой старуха Фекла. — Бегала она давеча до Вершковых телевизер смотреть, а Федька вчерась Михея и обсмеял. Анька, внучка моя, энто видала. Федор ржал, как конь, мол, культурные и важные, а ко мне ходите телевизер смотреть! А Спиридоныч оскорбился так, что бегом бежал от вершковского дома. Вот, видать, в сердцах и поскандалились они с Галиной.

— Ладный да хваткий парень Федька, но злыдень первостатейный! — сокрушенно покачала головой бабка Тюня. — Ох, попадетса он мне под руку, уж я ему чихвостку устрою! Будет знать, как уважаемых людей обижать!

Старухи одобрительно закивали.

— Желчной он человек, потому как без любви живет. Головой живет, не сердцем, — вздохнула бабка Марина. — Пойду, девы, у печки табачку понюхать, а уж опосля давай, Тюня, визер твой глядеть!

Марина Евпатьевна села на чурбачок, вставила папиросу в мундштук и жадно затянулась. Хозяйка чинно поднялась со стула:

— От, мои, сподобил сын мне телевизер!

Старухи одобрительно заохали, нахваливая заботливого сына и великие родительские достижения бабки Тюни, сумевшей воспитать превосходных во всех смыслах детей, на что та смущалась, но не оставливали приятные для уха всякой матери речи. Она аккуратно сняла салфетку, свернула ее, положила на стол, затем, довольно оглянувшись на подруг, провозгласила:

— Вот оно че! — и включила телевизор.

Влажной прохладой дышала июльская ночь. Марина Евпатьевна неспешно возвращалась домой. Вся ее жизнь прошла на этом пяточке земли. Там, за поворотом, на месте сельмага когда-то стоял дом ее деда, где она появилась на свет. А здесь, на бугре, где нынче стоит новая школа, раньше коптила кузня, в ней кузнечил тятя, а маманя посылала детей снести ему свежего кваса. А там, на берегу, где нынче под березами деревенская беседка, росла ветвистая рябина, у которой они миловались с Михайлушкой...

Погрузившись в воспоминания, бабка Марина и не заметила, как оказалась у беседки. Лишь услышав горькие вздохи, она пришла в себя и пригляделась. В беседке, взмахивая руками, что-то причитал киномеханик Михей Спиридонович.

— Эка брага у Тюни ядреная! — тряхнула головой старуха.

Киномеханик вздрогнул и испуганно оглянулся.

— Доброй ночи, Марина Евпатьевна... — смущенно прошептал он и вытер рукавом влажные щеки.

Старуха вошла в беседку, села на лавку, выудила портсигар и, вставляя папиросу в мундштук, со смехом сказала:

— Ой, гляди, Михей Спиридонович, как бы опосля в деревне не сплели, что ты ко мне на свиданку от жены сбег!

Тот рассеянно улыбнулся:

— Да... У нас еще не то сплетут, только повод дай.

— На то она и деревня, — глубокомысленно вздохнула старуха. — Вот ты поводу и не давай! Ступай к жене, неча недругов веселить и у молвы на языке трепаться.

— Да как идти?! Как, Марина Евпатьяевна? Когда ударила в самое сердце, без ножа зарезала... — Михай Спиридонович заломил руки и обреченно опустил голову.

— Будь тебе че попало собирать! — осадила его старуха. — Молодой ты и глупый ешо! Гордыня и спесь в тебе беснуются. Ишь, баба визер сбегла поглядеть... И что с того? Я эвон сегодня тоже его глядела. Так чего, и от меня счас сиганешь, как от чумички?

Михай Спиридонович застыл. Он понял, что вся деревня судачит об их с Галочкой разводе.

— Невидаль какая... — хмыкнула Марина Евпатьяевна и затянулась.

— Так к кому она ходила! К этому беспринципному, наглому и корыстному человеку! — взвился киномеханик.

— Ишь ты какой! — засмеялась бабка. — Судить других всякий горазд! А ты поди человеку в душу загляни, с чего он такой. Вот оно че!

— Ну уж! — Михай Спиридонович возмущенно дернул плечами.

Но старуха только улыбнулась:

— Брось, Михай, брось! Не суди сурово. Всяк из нас слаб и грешен. Всяк из нас корыстен, ток по-разному. Одному денег алчится, другому — почтения...

Михай Спиридонович покраснел.

— Жисть она и есть жисть — суета сует, одним словом.

Бабка Марина немного помолчала и, выпустив струйку сизого дыма, поглядела вдаль, туда, где на просторе к горизонту спешил могучий Енисей.

— Вишь, река убегат? То-то! Ничего в мире нет вечного, всему свой срок отмерен. На отмершем былье порастет, а опосля новое родится. Придет время, не будет ни тебя, ни меня, и памяти о нас не останется, все утечет вдаль до последней капли...

Михай Спиридонович присел рядом со старухой.

— А ведь мы-то жили-были... и, как сумели, прѳжили...

Он грустно вздохнул.

— Ты брось мне, парень, тоску разводить! Живи, покуда живется, люби, покуда любится, и делай все по сердцу! — Марина Евпатьяевна встала и сурово сдвинула брови. — И ступай счас же домой! А то вам, мужикам-охальникам, тѳмны похождения в доблесть, а мне, женщине приличной, стыдоба с женатым по ночи беседы вести! — Старуха хрипло рассмеялась.

Минут десять Михай и Галочка плакали, обнявшись. В памяти Михея Спиридоновича мелькали самые счастливые годы жизни. Он вспомнил их первую встречу, когда хрупкая, таинственная Снегурочка октябрьским вечером появилась в крохотном холодном кинозале

и, словно луч кинопроектора, рассекла темноту его одинокой души. Это был их самый главный сюжет, в котором он стал героем, режиссером и сценаристом, а она — героиней, музой и главным зрителем. Как жаль, что не случилось им стать родителями... Много лет это было их молчаливой болью, но человек свыкается со всем, и они свыклись, и даже стали видеть в этом не злой рок, а некий тайный смысл — их жизни предназначены для других целей — и всю заложенную в них природой душевность и любовь посвятили друг другу и работе. Нет! На земле не было и не будет для Михея Спиридоновича человека ближе и нужней, чем его Галочка!

«Ну и ладно, что ходила! Пусть! Пусть! Пусть!»

Следующим утром Михей Спиридонович проснулся в приподнятом расположении духа. «Время неумолимо движется вперед, — записал он в дневнике. — Ну и ладно! Я буду верен своему сердцу и своему любимому делу».

Киномеханик с достоинством прошел по деревне, приглашая жителей на вечерний сеанс, повесил новую афишу, заменил на стенде фотокарточки, проверил пленку и отправился до вечера домой. Проходя мимо доски объявлений, он заметил стайку чирикающей ребятни.

— Да это через копирку! — кричал конопатый Сашка, и ему вторили его младшие братья.

— Сам ты копирка! — спорила черноголовая Маринка.

— Сейчас тресну по лбу! — злился Сашка.

Но на стороне Маринки выступил самый рослый из ребят — пятиклассник Сережка:

— Карандашом рисовано. От копирки сажа по листу бывает.

Сашка засомневался, а Маринка, почуяв, что ее правда сильнее, еще громче запищала:

— Михей Спиридонович он же не только кино крутит, он же еще художник!

Киномеханик зарделся от смущения и поспешил скрыться незамеченным.

